

въ общей воинской повинности, и эти ученые только пожмутъ плечами и даже не удостоятъ васъ отвѣта, или вниманія. Разрѣшеніе вопроса для нихъ въ томъ, чтобы читать рѣчи, писать книги, избирать президентовъ, вице-президентовъ, секретарей, и засѣдать и говорить то въ томъ городѣ, то въ другомъ. Отъ этихъ разговоровъ и писаній, по ихъ мнѣнію, случится то, что правительства перестанутъ набирать солдатъ, на которыхъ зиждется вся ихъ сила, а послушаются ихъ рѣчей и отпускаютъ своихъ солдатъ, останутся беззащитными не только передъ своими соотечественниками, но и передъ своими подданными; какъ разбойники, связавшіе безоружныхъ людей, чтобы ограбить ихъ, услышавъ рѣчи о той боли, которую веревка причиняетъ связаннымъ, тотчасъ-же развяжутъ ихъ.

Но есть люди, которые вѣрятъ въ это, занимаютъ конгрессами мира, читаютъ рѣчи, вишутъ книжки, и правительства, разумѣется, выражаютъ этому сочувствіе, дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ это, такъ-же, какъ они дѣлаютъ видъ, что они поддерживаютъ общества трезвости, тогда какъ большею частью живутъ пьянствомъ народа; такъ же, какъ дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ образованіе, тогда какъ сила ихъ держится только на невѣжествѣ; такъ же, какъ дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ свободу конституціи, тогда какъ ихъ сила держится только на отсутствіи свободы; дѣлаютъ видъ, что заботятся объ улучшеніи быта рабочаго, тогда какъ на подавленности рабочаго основано ихъ существованіе; дѣлаютъ видъ, что поддерживаютъ христіанство, тогда какъ христіанство разрушаетъ всякое правительство.

Для того, чтобы можно было это дѣлать, уже давно выработались такія заботы о трезвости, которыя не могутъ нарушить пьянства; такія заботы объ образованіи, которыя не только не мѣшаютъ невѣжеству, но только усливаютъ его; такія заботы о свободѣ и конституціи, которыя не мѣшаютъ деспотизму; такія заботы о рабочиxъ, которыя не освобождаютъ ихъ отъ рабства; такое христіанство, которое не разрушаетъ, а поддерживаетъ правительство.

Теперь прибавилась еще забота о мирѣ. Правительства, прямо цари, которые разѣзжаютъ теперь съ министрами, рѣшая по одной своей волѣ вопросы о томъ: въ нынѣшнемъ или будущемъ году начать убійство миллионъ, цари эти очень хорошо знаютъ, что разговоры о мирѣ не помѣшаютъ имъ, когда имъ вздумается, послать миллионы на бойню. Цари даже съ удовольствіемъ слушаютъ эти разговоры, посмѣиваются имъ и участвуютъ въ нихъ.

Все это не только не вредно, но полезно

правительствамъ, отводя глаза людей отъ самаго главнаго, самаго существеннаго вопроса: идти или не идти отбывать воинскую повинность каждому отдѣльному человѣку, призываемому въ солдаты.

«Миръ скоро вотъ устроится, благодаря союзамъ, конгрессамъ, по книжкамъ и брошюрамъ, а пока идите, надѣвайте мундиръ и будьте готовы угнетать и мучать самихъ себя для нашей выгоды», говорятъ правительства. И ученые составители конгрессовъ и статей вполне согласны на это.

Это одно отношеніе — самое выгодное для правительства и потому поощряемое всеми умными правительствами.

Другое отношеніе — это отношеніе трагическое, людей, утверждающихъ, что противорѣчіе стремленія и любви къ миру людей и необходимости войны — ужасно, но что такова судьба человѣка. Люди эти большею частью чуткіе, даровитые люди, видятъ и понимаютъ весь ужасъ и всю неразумность и жестокость войны, но по какому-то странному повороту мысли не видятъ и не ищутъ никакого выхода изъ этого положенія, а, какъ-бы расчесывая свою рану, любятъ отчаянностью положенія человѣчества.

Вотъ замѣчательный образецъ такого отношенія къ войнѣ замѣчательнаго французскаго писателя (Мопасана). Глядя съ своей яхты на ученъе и стрѣльбу французскихъ солдатъ, ему приходятъ слѣдующія мысли:

«Война! Стоитъ подумать объ этомъ словѣ и на меня находить какое-то чувство ужаса и одуренія, какъ если-бы мнѣ говорили про колдовство, инквизицію, какъ будто мнѣ говорятъ про дѣло далекое, оконченное, отвратительное, уродливое, противустественное».

«Когда говорятъ намъ про людоедство, мы съ гордостью улыбаемся, чувствуя свое превосходство надъ этими дикарями. Но кто дикари? Кто настоящіе дикари? Тѣли, которые убиваютъ для того, чтобы съѣсть побѣжденныхъ, или тѣ, которые убиваютъ, чтобы убивать, только чтобы убивать?»

«Вотъ на полянѣ егера по командѣ бѣгаютъ и стрѣляютъ; вѣдь они предназначены на смерть, какъ стадо барановъ, которыхъ мясникъ гонитъ по дорогѣ. Упадутъ они гдѣнибудь на полянѣ съ разѣченной головой или съ пробитой пулей грудью. И все это молодые люди, которые могли-бы работать, производить, быть полезными».

«Ихъ отцы старые, бѣдныя ихъ матери, которыя въ продолженіи 20 лѣтъ любили, обожали ихъ, какъ умѣютъ обожать только матери, узнаютъ черезъ шесть мѣсяцевъ или черезъ годъ, можетъ быть, что сына, большаго сына, воспитаннаго съ такимъ трудомъ, съ такими расходами, съ такою любовью, что сына этого, разорваннаго